

03.09.00.

Корецкий Даниил

Даниил Корецкий

Важняк

«Шерлок Холмс в реальной жизни оказался бы просто дилетантом, который выдумывает всякие бредни».

Следователем по особо важным делам он никогда не был, но в литературе он, точно, важняк — по тому, с каким знанием дела закручивает сюжеты своих романов. Более того, он — один из первопроходцев жанра современного отечественного детектива. Начиная еще в те времена, когда никаких наших Агат Кристи не было и в помине. С тех пор из-под его пера вышли ставшие популярными романы «Основная операция», «Оперативный псевдоним», «Подставная фигура», «Акция прикрытия» и, конечно же, «Антикиллер». Он пишет жестко, динамично, его романы основаны на реальных событиях, прототипы его героев — настоящие менты и настоящие преступники. Возможно, именно благодаря этому роман «Антикиллер-1», по праву центральный в его творчестве, в течение года держал первое место в московском рейтинге бестселлеров и по нему будет сниматься фильм. Сегодня обций тираж книг Корецкого превышает двенадцать миллионов. Подобным успехом может похва-

ТВ Парк - 2000 -

статься разве что Александра Маринина, кстати, как и Даниил Аркадьевич, знающая о работе в структурах МВД не понаслышке. Из досье. Родился, вырос и до сих пор живет в Ростове-на-Дону. Полковник милиции, доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей, действительный член Академии экономики, финансов и права, трехкратный лауреат премии МВД.

— Всем известно, за что дают «Оскара», «Грэмми», «Никку». А за что награждает МВД?

— Щелоков, министр внутренних дел при Брежнев, учредил премию МВД за лучшее произведение о милиции в литературе, кинематографе и даже монументалистике. Я за свою жизнь получал эту премию трижды: два раза из рук Бакатина как советского министра МВД и один раз из рук Брина как министра МВД России. Еще я встречался со Степашиным в 1998 году, но уже не как литератор — меня признали лучшим профессионалом среди профессоров и преподавателей учебных заведений МВД.

3 сент. - с 8 - 12.

рался поступать на факультет журналистики, а в итоге случайно попал на юрфак. После окончания выбрал прокуратуру, пошел следователем. И хотя работа изматывала, высушивала мозги, она мне нравилась, попадались дела очень интересные. Правда, отношение руководства к нам было... хамским: на

следователя смотрели как на рабочую скотину. На мое счастье как раз в это время создавался первый в России отдел криминологических исследований Министерства юстиции РСФСР. Начальником назначили моего наставника из прокуратуры, он позвал меня к себе. После,

Что такое убойная сила пистолета, Корецкий знает не понаслышке

— Служба в МВД — это наследственное?

— Нет, мои родители были врачами. Но ни малейшего желания идти по их стопам у меня не было. Отец, фронтовик, инвалид II группы, очень болел в шестидесятые годы, поэтому после восьмого класса меня отдали в радиотехнический техникум, чтобы я приобрел профессию и мог зарабатывать себе на хлеб. Пришлось учить высшую математику, сопромат, теоретическую механику, что, вообще-то, было мне чуждо. Техникум я закончил успешно, соби-

Хорошо прогулять детский сад с другом!

— Каким был Данил Корецкий в детстве?

— Обычным ребенком. Только не любил ходить в детский сад. Однажды даже сбежал, а дома напел, что в саду упали часы и задавили ребенка. Мне так не хотелось там находиться... Кстати, эту нелюбовь к какому бы то ни было инкубаторству до сих пор сохранил.

— Службе это никогда не мешало?

— На службе я всегда занимался интеллектуальной работой, там определенное вольнодумство допускалось. А в партию меня так и не приняли, хотя беспартийных полковников можно пересчитать по пальцам одной руки.

Служу Отечеству...

— Действительно нонсенс: полковник — и вдруг беспартийный.

— Говорили, что мест нет. У нас было большое дело по взяткам и хищениям, пересажали кучу народу, все, кстати, были партийными, один даже застрелился — замзавотделом обкома партии. Я после этого говорю нашему партгору: «Места ж освободились». Все равно не приняли. На партийном новоязе вольнодумство тогда называлось «незрелостью». Но я считаю, что это хорошая характеристика.

— Как вы поняли, что станете писателем?

— Я начал не писать, а рассказыывать. Я тогда жил на окраине Ростова-на-Дону, на улице, где несудимых среди взрослых, по-моему, днем с огнем было трудно сыскать, а во дворах соответственно бегали дети из неблагополучных семей. Книжки в отличие от меня они не читали, и я стал им эти книжки пересказывать. Когда я что-то забывал, придумывал.

— Вас сразу стали печатать?

— Первый рассказ я написал в двенадцать лет и послал его на конкурс в газету «Известия». Он у меня лежит до сих пор, написанный детским почерком, — единственный, который остался неопубликованным. А впервые я опубликовался в 1968 году в «Технике молодежи».

Мечтал печататься в «Искателе», посылал туда рассказы, но получал ответы за подписью какого-то рецензента Малининой: «Ваш рассказ неплох, но вы не написали, как ваши герои дошли до жизни такой, как росли, о чем думали». Короче, не рассказ надо было писать, а роман. Несколько лет спустя, кстати, я встретился с главным редактором «Искателя». Оказалось, что «рецензент Малинина» — это мужик и всем отвечает одинаково. А рассказы мои потом напечатали.

— Ваш первый роман «Смягчающие обстоятельства» вы написали в 1984 году?

— Работал над ним четыре года. Про этот роман написала «Литературная газета», его обсуждали в московских литературных кругах, много, кстати, ругали — за «очернение действительности», «оскорбление инвалидов войны» и т.п. — и не опубликовали. Зато в рецензии «Литературки» меня называли доктором наук. Коллеги по этому поводу шутили: мол, есть доктор по ВАКу, а есть по «Литературке». Роман опубликовали только в 90-м, сократив на треть.

— Сейчас разногласий с редакторами нет?

— Сейчас я сам себе редактор. Раньше разногласия были, конечно. Одна литературная дама мне говорила: «Вы отсебятину пишете, а вы пишете как все, у людей учитесь. Если этот роман опубликуют («Смягчающие обстоятельства» — Н. П.), то я подниму вверх руки. С тех пор его столько раз публиковали, что она могла бы поднять вверх и ноги. Дама была партийная и во всем отстаивала

так сказать, «окопной» войны с преступностью в прокуратуре я стал преступность изучать, что, конечно, легче. Там же без отрыва от производства защитился. Стал преподавать в университете.

— Тема вашей кандидатской?

— «Предупреждение тяжких бытовых преступлений».

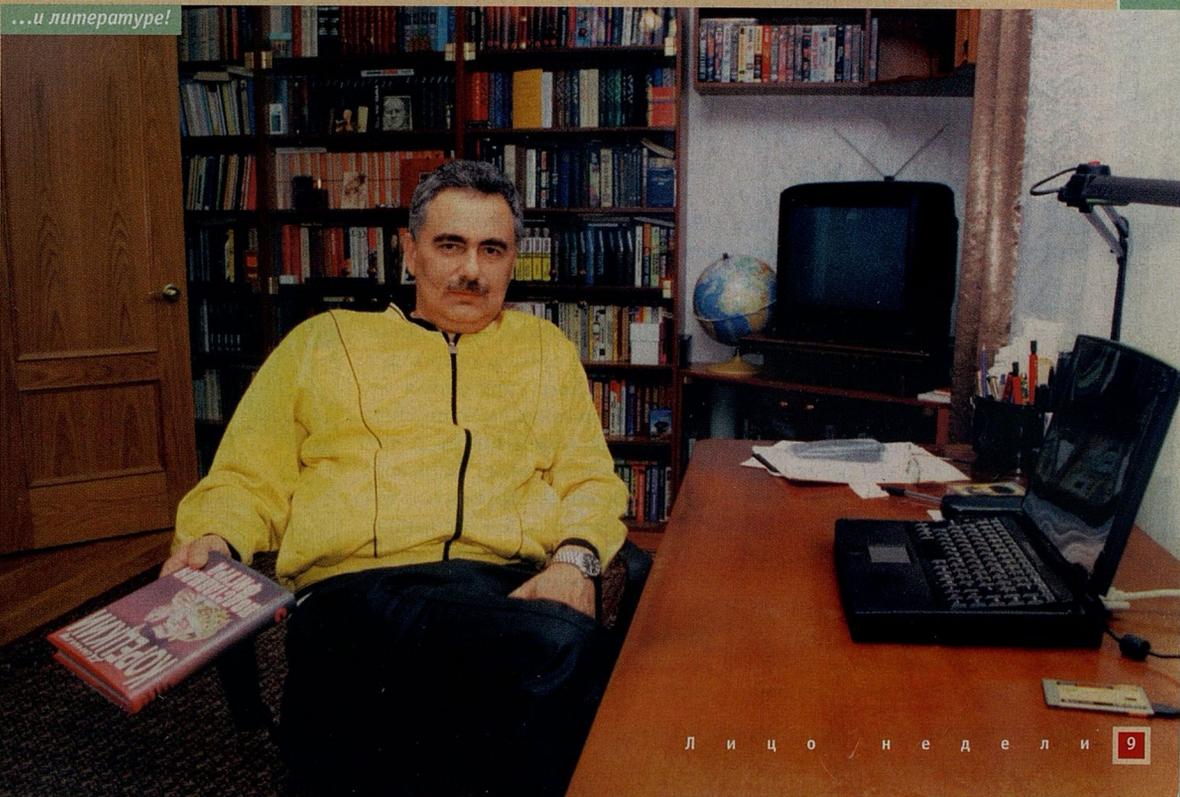
— Неужели их можно предупредить?

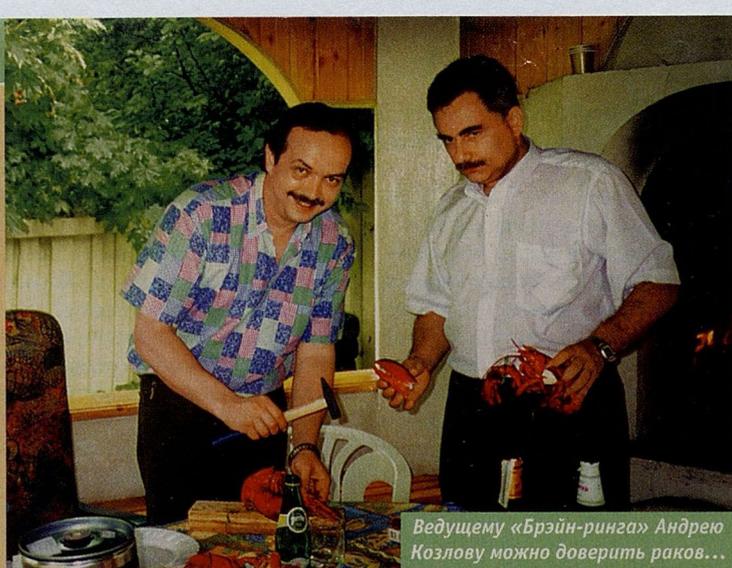
— Можно. Бытовые — в большинстве случаев. Просто должно быть другое отношение к людям. Если, например, позвонить в милицию и сказать: «Завтра ограбят банк», — то поедут и проверят. А если сказать: «Завтра мой сосед убьет свою жену, он обещал», — никто и не почешется. Хотя известно, что этот сосед жену бьет, два раза порезал ей руку, сломал ногу. А в результате как обещал, так и сделал — убил. Заметьте, здесь нет неожиданного злодея, который бы прятался за углом. А вот еще один пример из того же ряда. Старушке-матери угрожает сын-алкоголик. Она звонит в милицию: «Сынок говорит, что убьет». — «Сейчас подьемем». Она ждет на улице, боится домой идти, холод, зима — никто не едет. Снова звонит. Ей опять говорят: «Сейчас». Замерзла, пришла домой — сын ее и убил. Я сделал несколько предложений по предупреждению подобных преступлений. Даже специальные приказы по этому поводу издал начальник Ростовского УВД, что-то внедрялось в практику, но, понятно, ненадолго.

— А докторскую защищали на ту же тему?

— Нет. «Проблема изучения вооруженной преступности» — это новая интересующая меня область.

...и литературе!

Ведущему «Брейн-ринга» Андрею Козлову можно доверить раков...

...жене — выбор вин...

ТВ Парк — 2000 — 3 серия — С8 — 12

партийную идеологию, а когда нагрянули новые времена, она, между прочим, перешла на работу в... «Церковный вестник».

— Детективы ведь бывают разных жанров?

— У нас по ошибке все называют детективом. Собственно детективы я как раз и не люблю. В них все слишком искусственно. Шерлок Холмс в реальной жизни оказался бы просто дилетантом, который выдумывает всякие бредни. Что бы ответил ему на все обвинения хозяин собаки Баскервильей? «Бегала собака моя, я для смеха нарисовал ей глаза фосфором, а куда она побежала, не знаю». На этом бы все и закончилось. Мне интереснее «милицейский» роман. Чтобы его написать, необходимо знать милицейские будни и вообще жизнь.

— Качество «милицейского» романа зависит от причастности автора к структурам МВД?

— От степени его осведомленности. Юлиан Семенов написал «Петровку, 38» блестяще. Сейчас, может быть, что-то выглядит наив-

но, но на тот момент предмет он знал хорошо. Раньше, когда нужно было писать «как положено», было проще. Теперь именно «как положено» никому не интересно. Я знаю одного писателя, который в те годы процветал, а сейчас пишет о том, как американский шериф раскрывает преступления в Америке, потому что этого ни он не знает, ни его читатель.

— Вам милицейские будни знакомы. В экстремальные ситуации попадали?

— Однажды заявили убийство, мы приехали. Обычно я приезжаю — труп лежит, преступник задержан или сбежал, опер ищет свидетелей. Дело следователя — осмотр места происшествия, сбор и фиксация доказательств. А тут мы приехали первыми, толпа возле дома: «Скорее-скорее, он с топором побежал туда...» Я спрашиваю у своего сержанта-водителя: «У тебя оружие есть?» — «Нет, а у вас?» А у меня, следователя прокуратуры, откуда? У меня папка есть следственная. Я говорю: «Скорее вызывай по радию помощь». На-

роду-то все равно — милиция приехала, значит, должна задерживать преступника. Пришлось имитировать какую-то деятельность: надул щеки, вышел из машины. Слава богу, преступник заперся в квартире, а не полетел прямо на нас с топором. Без убийства в тот раз обошлось, потерпевшая отделалась легким ранением.

— Вам нравятся детективы, которые пишут женщины?

— Женский детектив отражает женскую логику. Мне это неинтересно.

— В своих романах вы описываете реальные события?

— Реальные события — это кирпичи, из которых складывается все остальное. Отправная точка — идея, а под идею подбираются конкретные дела.

— У ваших героев есть прототипы?

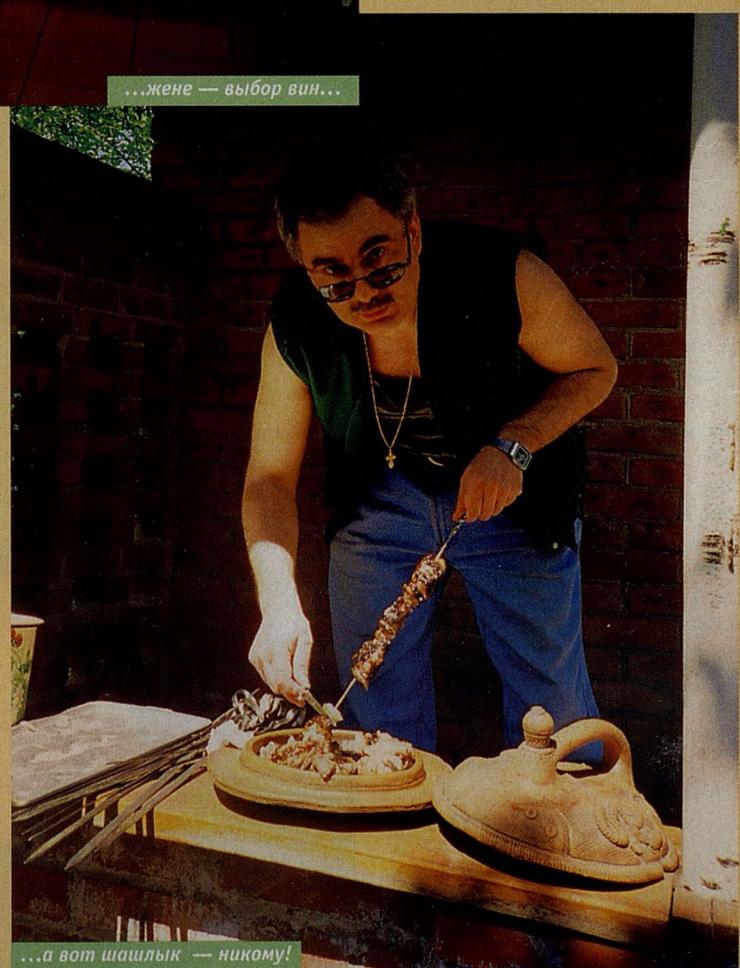
— Почти у всех.

— Люди себя узнают?

— Я этого избегаю. У Лиса (главный герой романа «Антикиллер».— Н. П.) был реальный прототип — такой опер уголовного розыска, отчаянный парень, — и была у него точно такая кличка, блатные дали. А майор Сизов из «Смягчающих обстоятельств» — симбиоз трех реальных людей: один работал в СМЕРШе, другой отставной оперативник, уже на пенсии раскрывший тридцать убийств, третий служил в НКВД, был причастен к исполнению смертной казни уже в наши дни.

— Для кого из героев прототипом послужили вы?

— Генерал Верлинов (роман «Пешка в большой игре». — Н. П.) — это я. С той только разни-

...а вот шашлык — никому!

Чтобы стать женой полковника, надо выйти замуж за лейтенанта (1970)

ТВ Парк - 2000 - 3 сент. - с 8-12.
цей, что я, наверное, не смог бы посадить преступника на кол и, уж точно, не смог бы спастись из подводной лодки, погруженной на глубину двадцать метров.

— Сейчас мода на российские детективные сериалы. Как вам они?

— Менты в «Улицах разбитых фонарей» настоящие, а все остальное — и «Бандитский Петербург», и «Убойная сила» — больше напоминает телевизионный спектакль, но рядовому зрителю, далекому от милицеских будней, на это наплевать.

— Значит, ни один из телевизионных героев вам не запомнился?

— Я жду своего героя — Лиса. Думаю, у него есть все те качества, чтобы запомниться не только мне, но и зрителям.

— Вы живете в Ростове, а в половине ваших романов описывается Москва. Почему?

— Раньше Ростов-папа считался центром криминального мира, а теперь — Москва-мама.

— А говорят, что Питер криминальнее?

— Питер — более откровенный в уголовном смысле, но по коррупции, экономической преступности на первое место выходит Москва.

— Неотъемлемая часть ваших романов — интимные отношения героев. Это чтоб лучше продавалось?

— Можно и без этого. Законы классического детектива, кстати, вообще запрещают использовать любовную линию. Но я считаю, что в любви люди проверяются, испытываются и раскрываются.

— А вы человек влюбчивый?

— В июне было тридцать лет, как я женат, и тридцать три года наших с женой неофициальных отношений. Теперь уже можно

этого не скрывать. Знакомство у нас было романтическим. Мой приятель поступал на физфак, занимался у преподавателя вместе с другой абитуриенткой. Как-то она к нему зашла занести конспекты. Такая симпатичная, фигурка, ножки... Они разговаривали, а я с места реплики подавал. Она это запомнила. А я уговорил приятеля к ней зайти. Сначала гуляли втроем, потом вдвоем.

— Жена стала физиком?

— Радиофизиком. Когда началась перестройка и пошла сокращения, ее отправили в отпуск без сохранения содержания. Борьба шла за каждую должность, и я сказал ей: «Уходи, зачем тебе это нужно». Сейчас она домохозяйка, воспитывает внука, мне помогает, подбирает документальные материалы. Если мне нужна какая-то информация, я посылаю в библиотеку жену.

— Чем занимается сын?

— Капитан милиции, защитил кандидатскую, преподает у нас в институте. Ему уже двадцать восемь. Со своей будущей женой учился с первого класса. С первого же класса положил на нее глаз, стал называть ее Мышкой. Мы ее так и зовем до сих пор.

— Какой, по-вашему, должна быть семья?

— В семье должны быть традиции. У нас в доме их сохраняла бабушка, ныне покойная. Нас три двоюродных брата, так мы дружны больше, чем родные братья в других семьях. Сына я назвал Аркадием — в честь своего отца, а внука моего сын назвал Даниилом. И, конечно, женщина в семье должна быть хорошей хозяйкой. Если высокопоставленный чиновник на вопрос о любимом блюде отвечает, что, мол, обожает макароны по-флотски или жареную картошку, мне хочется его пожалеть. Если он

Вся писательская рать (с мамой, женой, сыном, невесткой и внуком)

так примитивно питается, он так же примитивно мыслит.

— Из этого следует, что ваша жена прекрасная хозяйка?

— Она очень хорошо готовит, интересуется национальной кухней. Может приготовить что-нибудь экзотическое, например, бананы, завернутые в корейку и поджаренные в гриле, или гуся в тесте, или фаршированную щуку.

— Вы коллекционируете оружие?

— У меня четыре охотничьих ствола: три гладкоствольных и один нарезной карабин. Я стрелял только из того ружья, которое у меня хранилось с юношеских пор, да из карабина в тире. Скажу вам, очень эффективная вещь и очень опасная: выстрелишь, а через тысячу метров пуля может убить человека. Остальные мои ружья так и стоят нестрелянные. Это вряд ли можно назвать

коллекцией. Коллекционировать оружие запрещено законом.

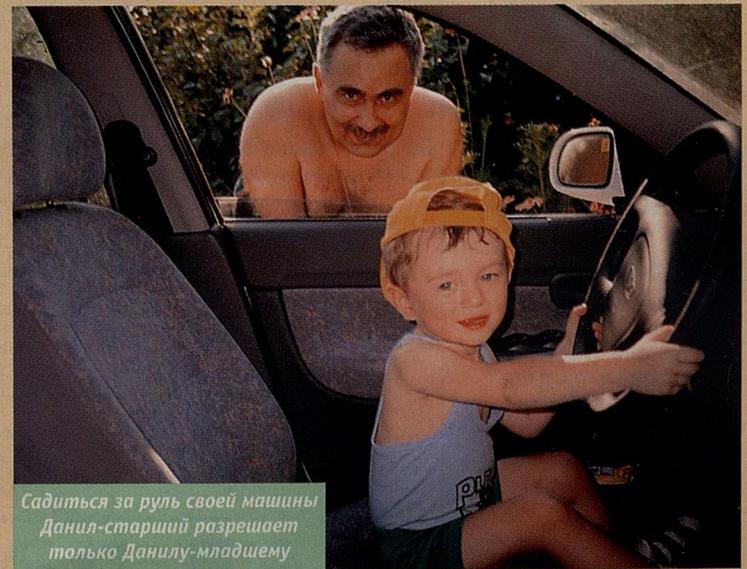
— Откуда же баснословные коллекции у «новых русских»?

— Идиотизм нашего законодательства: оно построено так, чтобы законопослушному гражданину что-то запретить, а преступнику совершенно ни в чем не препятствовать.

— На охоту ездите?

— Не езжу уже тридцать лет. Когда был молодым, ездил. С тех пор и ружье, из которого стрелял. Но и тогда мы никого не убивали — стреляли по неживым мишеням. Как-то, правда, случайно в воробья картечью попали, одна голова и хвостик остались. Мне и сейчас, как вспомню, жалко этого воробья.

Нина Полуяновская
Фото из архива
Даниила Корецкого

Садиться за руль своей машины Данил-старший разрешает только Данилу-младшему